

Хайретдинов Дамир Зинюрович

кандидат исторических наук, этнолог,
ректор Московского исламского института

**«ВЕЛИКИЙ ИСХОД»:
ПРОЦЕССЫ МАССОВОГО
ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НИЖЕГОРОДСКИХ
ТАТАР-МИШАРЕЙ В XVII–XVIII ВВ.**

Аннотация:

Статья посвящена процессам массового переселения в восточном направлении нижегородских татар-мишарей (нижгар) в эпоху первых Романовых. Подчеркивается, что основные два фактора – малоземелье и крестительская политика властей – привели к масштабному исходу представителей этого субэтноса, когда почти половина численности нижгар оказалась за пределами исторической родины. Их потомки составили основу для образования более 10 новых, вторичных этнографических групп татарской нации. Из них наибольшей самобытностью отличались мещеряки Башкирии в силу их особого этносоциального статуса и исторических путей развития.

Ключевые слова:

нижегородские татары, мишари, нижгары, Казанская губерния, Башкирия, Приуралье, мещеряки.

Khairtdinov Damir Zinyurovich

PhD in History, Ethnologist,
Rector of Moscow Islamic Institute

**THE "GREAT EXODUS": PROCESSES
OF MASS RESETTLEMENT
OF NIZHNY NOVGOROD MISHAR
TATARS IN XVII–XVIII CENTURIES**

Summary:

The article discusses the processes of mass migration of Nizhny Novgorod Mishar Tatars (Nizhgars) to the East in the era of the first Romanovs. It is emphasized that the two main factors – the shortage of arable land and baptism policy of the government – have led to the massive exodus of this sub-ethnos representatives, when almost a half of the Nizhgar population found themselves outside their historical homeland. Their descendants formed the basis of more than ten new derivative ethnographic groups of the Tatar nation. Among them the Mishar Tatars of Bashkiria were the most unique in virtue of their particular ethnic and social status and historical development paths.

Keywords:

Nizhny Novgorod Tatars, Mishars, Nizhgars, Kazan province, Bashkiria, the Urals, Mishar Tatars.

После подавления всех очагов Смуты и укрепления на престоле новоизбранной династии Романовых дискриминационная политика правительства в отношении тюрко-мусульманского населения Московского царства привела к процессам массового выезда в восточном направлении мурз, служилых и несслужилых татар с их исторических земель. Будучи наиболее близки к Москве в географическом отношении, арзамасские, курмышские и алатырские татары, из которых сложились современные нижегородские татары-мишари (цокающие мишари, или нижгары, в этнографии – сергачские татары), почувствовали эти изменения одними из самых первых. Уже в 1635 г. группа арзамасских мурз и татар переселилась восточнее, на территорию нынешнего Татарстана: «не хотя государевы службы служит, поместья свои и вотчины продали, и заложили, и внаем... отдали... а те татарове пошли жит в Казань, и в Свияжской, и в Казанские пригороды, и живут в татарских и в черемисских деревнях» [1, с. 227].

К середине XVII в. нижегородские татары прочно обосновались во многих регионах, окружающих нынешнюю Нижегородчину, поселившись в Симбирске, Уринске, Тагае, Инсаре, Саранске, Козьмодемьянске. В большинстве случаев это было связано с волевыми решениями властей и обосновывалось необходимостью несения караульной службы на засечных чертах. Какие-то группы уже в то время уходили самостоятельно, в порядке вольной колонизации. Поскольку «именно мишерские служилые люди (мурзы и татары) стали главным объектом внимания правительства и патриархии в их планах по дальнейшей христианизации мусульман» [2, с. 22], переселение подальше от родных земель в восточном направлении набирало обороты.

Источники не всегда фиксируют точную численность и дату переселения нижегородских татар на восток. Однако учеными установлено, что их «расселение... в XVI–XVII вв. вызвало возникновение буинско-симбирской подгруппы... татар-мишарей» [3, с. 13]. Следовательно, это были весьма значительные по своей численности отряды мигрантов, раз они смогли послужить основой для новых локальных групп цокающих мишарей. Р.Г. Мухамедова одна из первых подняла вопрос о том, что «образование татаро-мишарских населенных пунктов нельзя связывать лишь со временем появления в этих местах служилых татар, особенно это относится к поселениям северных групп (сергачских, карсунских)» [4, с. 46].

Так возникли основанные нижгарами села Буинского уезда: Новый Студенец (ныне Буинского района Татарстана) – в 1622 г., Мочалей (ныне Дрожжановского района Татарстана) – в середине XVIII в.; также в этом уезде ими были заселены села Шыгырданы и Татарские Сугуты

(ныне Батыревского района Чувашии) [5, с. 125]. Самое удивительное, что на территорию Буинского края мишари стали прибывать на несколько десятилетий позже, чем в Закамье, несмотря на его географическую близость к нижегородскому Поволжью [6, с. 126].

Цокающие мишари сыграли основную роль при образовании чистопольской подгруппы татар [7, с. 127], при этом именно выходцы из Алатырского уезда стали переселяться в Закамье самыми первыми из всех мишарских групп [8, с. 55]. Их переселение сюда порой объясняется «этнокультурной идентичностью мишарей с казанскими татарами» [9, с. 73, 126], но это суждение как раз противоречит данным этнографии. Речь должна идти о заселении мишарями земель, оставшихся малолюдными в силу падения Казанского ханства и в связи с ослаблением Ногайской Орды, которой и принадлежали эти земли. Переселение происходило на фоне известных политических репрессий царских властей против местного населения Закамья. Несомненно религиозная общность служилых татар из числа мишарей и местных (условно – казанских) татар, потомков булгар. Но в Закамье в XVI–XVII вв. переселенцы и старожилы в социальном плане составили совершенно разные слои населения, сохранявшиеся раздельно в течение долгого времени, что способствовало и их этнической (субэтнической) изолированности друг от друга. В условиях фактического отсутствия у старожилов-булгар Закамья своей феодальной страты, во многом уничтоженной военными действиями и последующими репрессиями властей, этот пласт де-факто заняли служилые татары из Мещеры.

Именно так образовалась этнографическая группа чистопольских татар: к середине XVIII в. численность мишарей в Закамье превысила число казанских татар, и последние, «оставшись в меньшинстве, постепенно перенимали языковые особенности татар-мишарей» [10, с. 131]. Сами казанские татары указывают на процессы их языковой ассимиляции мишарями: «В отличие от соседних селений жители нашей деревни не являются мишарями. Наш говор стал похожим на мишарский, потому что мы издавна с ними общаемся» [11, с. 202].

Впоследствии в различные населенные пункты Закамья неоднократно происходили подселения новых волн переселенцев из Мещеры, которые, по-видимому, придерживались изначально заданной субэтнической константы: темниковские – к темниковцам, алатырские и симбирские (то есть те же нижгары) – к алатырским.

Параллельно процессам массового переселения на территорию Казанской губернии набирал масштабы и исход цокающих мишарей в Башкирию. Земли башкир вошли в подданство русского царя добровольно, охранительными грамотами им гарантировалась и религиозная свобода, и относительная автономия внутренней жизни. Именно поэтому сюда устремились потоки татар-мишарей. Наиболее ранней этнической подгруппой из числа образовавшихся уже в Башкирии является уфимско-бирская, среди которой «преобладали цокающие мишари» – выходцы из «района Алатыря» и «реки Пьяны» [12, с. 129]. По мнению А.М. Орлова, их массовое переселение в Башкирию началось после «направления большой группы алатырских и симбирских служилых татар в район города Уфы» в 1688 г. [13, с. 85]. В действительности этот процесс начался еще раньше, в середине XVII в. [14].

В XVII–XVIII вв. в Приуралье возникла этнографическая, впоследствии этносословная, подгруппа из числа переселившихся сюда татар-мишарей, которая получила название приуральских мишарей, или мещеряков. «Вначале некоторое число окских мишарей, преимущественно темниковских, было переведено в качестве служилых татар для охраны границ на запад современного Башкортостана. Позднее на Урал переселилось большое число алатырских мишарей. Первый указ о разрешении им покупать землю у башкир относится к 1736 г., при этом было сделано предпочтение мишарским муллам. С середины XVIII в. мещеряки присутствовали среди казаков-мусульман в Оренбургском казачьем войске. В 1798 г. они были организованы в 5 кантонов и стали составной частью Башкиро-Мещеряцкого войска. Социальный статус башкир и мещеряков в войске был неоднозначен. Так, башкирские племена владели большей частью земли, но мещеряки считались более лояльными царскому правительству, из них же состояла большая часть войсковых ахунов» [15].

Из среды уральских мещеряков выдвинулись такие известные личности, как Батырша (Абдулла Галиев), Кинзя Усаев (ближайший соратник Салавата Юлаева). За разгром восстаний Карасакала, Батырши и Юлаева были награждены преимущественно также мещеряцкие старшины: Яныш Абдуллин, Сулейман Диваев, Султанмурат Янышев (первый капитан из мишарей), Бахтияр Янышев. Однако наибольшую известность во всероссийском масштабе приобрели религиозные деятели из среды мещеряков, например ахун Абдулла б. Муслим Дашкин (?–1795), участвовавший в восстании Е. Пугачева, который до учреждения Оренбургского магометанского духовного собрания разрешал религиозные вопросы, давал разрешение на проведение пятничных и праздничных намазов имамами.

Только на территории Стерлитамакского уезда, ныне составляющего центральную часть Башкортостана, мещеры жили более чем в 60 селах, многие из которых были ими основаны. Что мы знаем об этих людях, решившихся покинуть родину в поисках своего счастья? Некоторое представление о них дает выборка по материалам А.З. Асфандиярова тех населенных пунктов данного уезда, где среди припущенников или основателей указаны нижегородские татары (Арсланово, Буриказганово, Ахмерово, Зирган, Ибраево, Исмагилово, Баишево, Ишлы, Калчир-Бураново, или Тимербаево, Мустафино, Сарышево, или Аскароро, Субхангулово, или Камчалы, Толбазы, Яширганово) [16, с. 54–56, 61, 136].

Из родных земель в Башкирию переселялись, прежде всего, мужчины, и делали они это в основном маленькими партиями. Группы переселенцев формировались из жителей одного или двух соседних сел, при этом административные (уездные и даже губернские) границы между селами не играли никакой роли. Следовательно, переселение происходило без уведомления начальства, поскольку в тех условиях было практически невозможно одновременно получить соответствующие разрешения сразу в двух губернских или уездных центрах. Это соответствует выводам А.И. Ногманова: «поток переселенцев [в Уфимскую провинцию] был настолько сильным, что правительству время от времени приходилось издавать акты, закрепляющие беглецов на новых местах жительства» [17, с. 66]. Иногда мигранты сами занимались легализацией своего переселения (постфактум, разумеется), бесхитростно обосновывая его безземельем на родине. Так поступали группы татар из Уразовки, Овечьего Оврага и других сел, мигрировавшие в Уфимский уезд в 1779-м и последующих годах [18, с. 211].

Сословные различия среди мигрантов также были несущественны в вопросе поиска новой родины. На новом месте поселенцы не всегда находили взаимопонимание с хозяевами земель (башкирами-вотчинниками) или другими припущенниками, что вынуждало их искать иные аулы. Но есть и противоположные примеры: иногда через несколько лет к укоренившимся нижгарам подсеялись их земляки. Это значит, что до родины доходила информация о благополучном обустройстве эмигрантов на новом месте. Так, через 16 лет после основания села Субхангулово сюда прибыла вторая партия выходцев из тех же Нижегородской и Симбирской губерний, в которую входил 21 мужчина. Очевидно, это были родственники, соседи и знакомые первопоселенцев – овечьевражцев и петряксинцев.

В двух случаях мы видим образование вторичных поселений, основанных уже укоренившимися в Башкирии мишарями наряду с представителями других тюркоязычных этнических групп (Ахмерово, Баишево). Также показательно, что некоторые села носят имена лидеров поселенцев из числа нижгар: давала знать их деятельная активность. Например, Субхангулово, основанное в конце XVIII в. выходцами из Овечьего Оврага и Петрякс, получило свое название в честь 57-летнего Субхангула Биккинина, представителя известного на Нижегородчине и в городах центрально-европейской части России семейства абызов.

Составив новую этносословную группу мещерыков, татары-мишари в Приуралье продолжили вести привычный для них образ жизни военно-служилых людей. Не случайно именно в этом регионе они долгое время сохраняли обособленность от окружающего тюрко-мусульманского населения, прежде всего башкир, имеющую в основном сословный характер. Вместе с тем между ними образовались особого рода взаимосвязи, напоминающие конфедеративные отношения. Если быть точнее, созданная из этих этнических групп автономная военно-сословная полиция – Башкиро-Мещерякское войско – почти дословно копировала государственное устройство постордынских ханств, разве что здесь не было собственных правителей-Чингизидов [19, с. 65]. И хотя на первых этапах сосуществования вотчинников-башкир и припущенников-мишарей между ними не исключались и конфликты, в последующем общность религии, языковая и культурная близость способствовали зарождению блестящего этнокультурного синтеза, в полной мере проявившегося в XIX – начале XX вв. Именно тогда Башкирия на долгое время стала центром религиозной и национальной жизни тюрко-мусульман Российской империи, соперничая в своем расцвете с Петербургом, Казанью, Касимовом и Бахчисараем.

Итогом масштабного расселения цокающих нижегородских татар-мишарей в XVII–XVIII вв. в восточном направлении стало образование множества новых этнографических групп: карсунских, мелекесских, ичкинских татар, чистопольской, альметьевско-бавлинской, буинско-дрожжановской, лямбирской, байкибашевской этнографических групп, мещерыков Башкортостана и Оренбуржья. По нашим подсчетам, к концу XVIII столетия нижегородские татары расплылись на огромных пространствах Российской империи, так что за пределами исторической родины проживало не менее 40 % от общей численности этого субэтноса. «Великий исход» со своей родины нижгары продолжали и на протяжении XIX в., подпитывая тем самым многие из вышеназванных этнографических групп.

Ссылки:

1. Хрестоматия по истории русского права / сост. М.Ф. Владимирский-Буданов. Вып. 3, изд. 3. СПб., 1889. 252 с.
2. Фаизов С.Ф. Ислам в Поволжье VIII–XX вв. Очерк истории. М., 1999. 76 с.
3. Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. 222 с.
4. Мухамедова Р.Г. Татары-мишари. Казань, 2008. 295 с.
5. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань, 2002. 248 с.
6. Насыров Р.Г. Сельское расселение в Западном Закамье (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). Казань, 2007. 240 с.
7. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала ...
8. Насыров Р.Г. Указ. соч.
9. Там же.
10. Там же.
11. Там же.
12. Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Казань, 2002. 248 с.
13. Орлов А.М. Мещера, мещеряки, мишаре. Казань, 1992. 12 с.
14. Рамазанова Д.Б., Хайрутдинова Т.Х. К вопросу о формировании байкибашевского говора мишарского диалекта татарского языка // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Вып. 3. Казань, 1985. С. 62–92.
15. Хайретдинов Д.З., Макаров Д.В. Мещеряки // Ислам на Урале : энц. словарь / отв. ред. Д.З. Хайретдинов. М., Н. Новгород, 2009. С. 205–206.
16. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009. 744 с.
17. Ногманов А.И. Татары Среднего Поволжья и Приуралья в российском законодательстве второй половины XVI–XVIII вв. Казань, 2002. 232 с.
18. Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. Н. Новгород, 2001. 416 с.
19. Макаров Д.В. Политический феномен Башкиро-Мещеряцкого войска // Фаизхановские чтения. № 4. Н. Новгород, 2008. С. 64–67.

References:

1. Vladimirskiy-Budanov, MF (comp.) 1889, *Readings on the history of Russian law*, vol. 3, 3rd ed., St. Petersburg, 252 p.
2. Faizov, SF 1999, *Islam in the Volga Region VIII-XX centuries. Outline of history*, Moscow, 76 p.
3. Khalikov, AH 1989, *Tatar people and their ancestors*, Kazan, 222 p.
4. Mukhamedova, RG 2008, *Tatars-Mishars*, Kazan, 295 p.
5. *Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga and the Urals and the question of their formation* 2002, Kazan, 248 p.
6. Nasyrov, RG 2007, *Rural settlement in the West Trans-Kama (second half of XVI - early XVIII centuries)*, Kazan, 240 p.
7. *Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga and the Urals and the question of their formation* 2002, Kazan, 248 p.
8. Nasyrov, RG 2007, *Rural settlement in the West Trans-Kama (second half of XVI - early XVIII centuries)*, Kazan, 240 p.
9. Nasyrov, RG 2007, *Rural settlement in the West Trans-Kama (second half of XVI - early XVIII centuries)*, Kazan, 240 p.
10. Nasyrov, RG 2007, *Rural settlement in the West Trans-Kama (second half of XVI - early XVIII centuries)*, Kazan, 240 p.
11. Nasyrov, RG 2007, *Rural settlement in the West Trans-Kama (second half of XVI - early XVIII centuries)*, Kazan, 240 p.
12. *Ethno-territorial groups of Tatars of the Volga and the Urals and the question of their formation* 2002, Kazan, 248 p.
13. Orlov, AM 1992, *Meschera, Meshcheryaks, Mishars*, Kazan, 12 p.
14. Ramazanova, DB & Khairutdinova, TH 1985, 'On the formation of baykibashevskogo Mishar dialect of the Tatar language', *Research on historical dialectology of the Tatar language*, vol. 3, Kazan, p. 62-92.
15. Khairutdinov, DZ & Makarov, DV 2009, 'Meshcheryaks', *Islam in the Urals: Dictionary*, Moscow, Nizhny Novgorod, p. 205-206.
16. Asfandiyarov, AZ 2009, *History of villages and villages of Bashkortostan and adjacent areas*, Ufa, 744 p.
17. Nogmanov, AI 2002, *Tatars Middle Volga and Urals in the Russian legislation of the second half of the XVI-XVIII centuries*, Kazan, 232 p.
18. Senyutkin, SB 2001, *History of the Nizhny Novgorod Volga Tatars, the last third of the XVI to the beginning of the twentieth centuries*, Nizhny Novgorod, 416 p.
19. Makarov, DV 2008, 'The political phenomenon Bashkir-Meschery troops', *Faizhan reading*, no. 4, N. Novgorod, p. 64-67.